

СЭМ УЭЛЛЕР

Незаменимая книга
для поклонников
Брэдли. Увлекательная,
часто завораживающая
повесть.

THE NEW YORK TIMES

ХРОНИКИ

ЖИЗНЬ РЭЯ БРЭДБЕРИ

БРЭДБЕРИ

FAN|ZON

Сэм Уэллер
Хроники Брэдли
Серия «Fanzon. Великие
фантасты. Подарочное издание»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69966739
Хроники Брэдли / Сэм Уэллер: Эксмо; Москва; 2024
ISBN 978-5-04-194687-6

Аннотация

Литературная премия Society of Midland Authors.

Номинация на премию Брэма Стокера.

Номинация на премию Сэйун.

Возможно, самый креативный и новаторский писатель-фантаст всех времен, Рэй Брэдли превратил развлекательную литературу в вид искусства. Благодаря таким классическим книгам, как «451 градус по Фаренгейту», «Марсианские хроники» и «Вино из одуванчиков», Брэдли заслужил себе место в пантеоне мировых писателей, а его произведения расширили коллективное воображение общества.

В этой первой в истории авторизованной биографии отмеченному наградами журналисту Сэму Уэллеру была предоставлена привилегия погрузиться в собственный мир Брэдли. Уэллеровский инстинкт исследователя в сочетании

с доступом к частным архивам и ранее неопубликованным письмам писателя создают захватывающую и замечательную историю. Вся жизнь Брэдбери расписана по минутам: его попытки начать карьеру актера, литературный прорыв в «криминальных» журналах сороковых годов и его роман на всю жизнь с женой Маргерет. Здесь впервые представлена каждая деталь захватывающей истории этого загадочного писателя, раскрывающей все великолепие, волшебство и тайну настоящей литературной легенды.

«Это моя жизнь! Как будто Сэм Уэллер проник мне под кожу, в мою голову и в мое сердце, все это – здесь». – *Рэй Брэдбери*

«Авторизованная, но достоверная и откровенная... Вы не прочтете эту биографию без того, чтобы найти свои позабытые книги Брэдбери и не задаться вопросом, почему вы не сделали это раньше». – *Chicago Sun-Times*

«Безусловно, это самый откровенный и завораживающий взгляд на таинственную Страну чудес Брэдбери». – *Austin Chronicle*

«Незаменимая книга для поклонников Брэдбери. Увлекательная, часто завораживающая повесть». – *The New York Times*

«Очень интересная история, информативная, приятная и вдохновляющая». – *School Library Journal*

«Увлекательный взгляд на творчество одного человека – и на невероятную эволюцию жанра литературы о других планетах». – *Chicago Tribune*

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Введение	6
1. В поисках утраченного времени	21
2. Глинда добрая[4]	53
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Сэм Уэллер

Хроники Брэдбери

Sam Weller

The Bradbury Chronicles. The Life of Ray Bradbury

Copyright © 2005 by Sam Weller

© С. Харитонова, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2023

Рэй, живи вечно

*Прыгай с обрыва и отращивай крылья в полете.
Рэй Брэдбери*

Введение

Как и многие мои ровесники, я давно и прочно состою в клубе любителей межгалактических, межвременных, палеонтологических, марсианских, потусторонних, ярмарочных приключений с мумиями и чудовищами, словом – произведений Рэя Брэдбери. Впрочем, справедливости ради, Брэдбери принадлежит всем возрастам. Представители Величайшего поколения, ветераны Второй мировой войны читали первые рассказы Брэдбери в бульварных журналах, сидя в грязных окопах на истерзанной войной европейской земле. Беби-бумеры уносились на Марс с «Марсианскими хрониками», глазели на цирковых уродцев из «Человека в картинках» и бегали по зеленым полям Гринтауна вместе с героями «Вина из одуванчиков» – причем не только читали эти книги, но и слушали их в вечернем эфире, когда Брэдбери стал звездой радиопостановок. Поколение X открывало для себя Брэдбери на уроках литературы в школе и, куда важнее, за ее пределами – истории о ракетах из нержавеющей стали и пожарных, жгущих книги в мрачном антиутопическом мире, захватывающие, яркие и, выражаясь языком поколения X, ужасно клевые.

И вот с Рэем Брэдбери знакомится новое поколение. Он уже стал легендой, иконой американской литературы, вошел в пантеон, населенный духами литературного прошлого, на-

ряду с Шекспиром, Мелвиллом, Диккенсом и По. Иные критики мысль о причислении Брэдбери – так называемого фантаста! – к литературному пантеону сочтут кощунственной, однако они давно опоздали на космический корабль и просто не в состоянии оценить метафоры Рэя Брэдбери, музыкальность его языка, а самое главное, созданную им мифологию. Короче говоря, эти критики не смыслят в творчестве Брэдбери ровным счетом ничего. Он намного больше чем фантаст, и вся его жизнь тому свидетельство.

Дети миллениума откроют для себя Брэдбери так же, как в свое время мы, – через его книги. И можно не сомневаться, что они присвоят его, как мы до них, потому что Рэй Брэдбери принадлежит всем поколениям.

Его поклонникам несть числа, и я присоединился к ним еще в утробе: в 1967 году мой отец читал книги Брэдбери вслух моей беременной матери. А одиннадцать лет спустя я впервые прочел Брэдбери сам, обнаружив на отцовской полке потрепанную книжку под названием «Человек в картинках». На мягкой обложке красовался этот человек собственной персоной; он сидел обнаженный на деревянном ящике, татуированной спиной к зрителю, в окружении жутковатого красного пейзажа, похожего на страшный сон; помню, я долго рассматривал эту обложку. С того момента мой отец каждый год клал под сияющую огнями рождественскую елку книги Брэдбери; они манили яркой подарочной упаковкой, с нетерпением дожидаясь своего читателя, и меня было от

них не оторвать – к большому удовольствию моей матери.

В двадцать пять я вернулся в Иллинойс, чтобы ухаживать за ней в пору смертельной болезни. Родители развелись, старшие братья и сестры разъехались, так что я остался единственным свидетелем отчаянной борьбы матери с раком. Она спала лишь по несколько часов кряду, и в эти недолгие периоды покоя я уходил к себе. Помню, как зимними ночами смотрел в окно, за которым в свете уличных фонарей кружились большие хлопья снега, и впервые слушал аудиокнигу «Конвектор Тойнби» – вставлял кассету в маленький плеер, выключал свет, и меня убаюкивал голос Рэя Брэдбери, читающего вслух собственные рассказы. Это было настоящее волшебство и отдохновение для моей души, измученной печалью и болезнью матери. В одном из текстов, «От греха моего очисти меня», звучала такая глубокая меланхолия, что внезапно я ощутил родство с рассказчиком. Я не один. Я не одинок!.. Не в том ли суть хорошей истории – дать нам чувство принадлежности, помочь осознать простые истины?... Тогда я понял, что этот поэт прозы видит красоту в печали.

Моя мать скончалась в 1992 году. Ей было немногим больше пятидесяти.

Восемь лет спустя после ее смерти родилась эта книга. Я тогда работал в журнале *Chicago Tribune Magazine* и предложил редактору сделать материал о сыне Иллинойса, пасынке Марса, привратнике призрачной Октябрьской страны, по-

четном библиотекаре Академии воображения – Рэе Дугласе Брэдбери, которому в тот год как раз исполнялось восемьдесят лет. Редактор дал добро, и я полетел в Лос-Анджелес, в гости к Брэдбери – в его большой многоэтажный дом, выкрашенный (очень кстати) в цвет одуванчиков. К парадному крыльцу вело больше десятка ступеней. Когда я поднимался, из кустов выскочили и бросились врассыпную коты. Перед дверью лежал коврик с хэллоуинскими тыквами, кричащими «Бу!».

Давняя служанка Брэдбери проводила меня в фойе. Первым же, что я увидел, оказалась картина – оригинал иллюстрации с обложки «Человека в картинках», которая так занимала меня в детстве. Итак, я наконец достиг цели!

Шел 2000 год, последний понедельник мая, на дворе стояла теплая погода, а мне предстояло встретиться с удивительным человеком. За семь месяцев до этого Рэй перенес инсульт, поэтому двигался осторожно – большой, когда-то пышущий жизнью человек теперь хромал, опираясь на трость. Впрочем, это не мешало ему разговаривать со скоростью света – он вещал, философствовал и предлагал решения во благо всего человечества, то и дело с благоговением обращаясь к прошлому. Тогда я понял, что Брэдбери представляет собой удивительной красоты парадокс: он пишет об отдаленном будущем, однако постоянно возвращается к старинным механическим агрегатам Уэллса и Верна, а о далеком прошлом повествует со щемящей тоской, будто говорит: счаст-

ливое будущее возможно, только если своевременно оглядываться назад. Рэй Брэдбери – человек-противоречие, пророк ностальгии: он предсказывает прошлое и вспоминает будущее.

Дом Брэдбери представлял собой настоящее святилище, полное «метафор», как называл это сам Рэй, – символов и сувениров («Талисманов!» – пояснял он со смехом) его жизни и карьеры. Комнаты наполнились предметами изумительной коллекции всего, что только есть на Земле и Марсе. Тем солнечным днем лучи, проникая сквозь широкие белые жалюзи, золотили своим светом тутанхамонскую сокровищницу Брэдбери. На стене висел оригинал обложки первого издания «451° по Фаренгейту», нарисованной старым другом и коллегой Рэя, Джозефом Мугнаини. На каминной полке в гостиной стояли прозрачные или блестящие статуэтки – награды, копившиеся десятилетиями. В коридоре всего через несколько месяцев после моего первого визита Рэй повесил медаль за достижения всей жизни, полученную в ноябре 2000 года от Национального книжного фонда за выдающийся вклад в американскую письменную культуру, – подтверждение того, что его творчество занимает прочное место в массовой литературе.

В кладовой хранилась толстая стопка раскрашенных вручную целлулоидных кадров «Дамбо», «Золушки», «Пинокио» и многих других классических мультфильмов, подаренных Рэю самим Уолтом Диснеем. Практически на всех

поверхностях в доме, включая столы и стулья, высились горы бумаг, старых фотографий, начатых рассказов, газетных статей, рукописей и пластмассовых лотков из-под молочных бутылок, где хранились бессчетные папки. В каждой комнате были игрушки: на диванах сидели гигантские плюшевые звери; жестяные ракеты и заводные роботы, притаившись в уголках, только и ждали момента, чтобы воспрянуть к жизни. И почти в каждой комнате встроенные стеллажи ломились от тысяч и тысяч книг.

Я провел в этом доме весь день, изумленно осматриваясь и слушая речи хозяина. Семидесятидевятилетний человек – и Питер Пэн, и мудрый сэнсэй – обладал энергией целого стада тираннозавров. Он работал одновременно над двумя романами, книгой эссе, сборником рассказов, полным собранием стихотворений, многочисленными статьями и пьесами. Словом, передо мной был творческий гигант. Он любил жить и собирался провести оставшиеся годы с максимальной пользой. Такой сильной тяги к жизни я не встречал до тех пор ни в ком – и вряд ли уже встречу. Рэй неустанно бежал от смерти, заканчивая один проект за другим. Впрочем, больше впечатляла не столько его плодовитость, сколько настрой. «Если начинать день с мыслью «У меня ничего не выйдет», что же это будет за день?» – спрашивал Рэй, стремясь к своему излюбленному «оптимальному поведению».

«Я не верю в оптимизм, – объяснял он. – Я верю в оптимальное поведение, это другое. Что будет, если каждый день

по максимуму воплощать возможности, заложенные в генах? Надо пробовать, испытывать себя. Никогда не знаешь, на что способен, пока не попробуешь. Это и есть оптимальное поведение. Если вести себя таким образом, станешь оптимистом. Как видите, есть разница – не быть оптимистом, а вести себя оптимально. Кричать во все горло и прислушиваться к эху».

Мы с Рэем Брэдбери почти сразу нашли общий язык. Ему понравилось, что я прочел все его произведения. Слава и богатство никогда не привлекали Рэя, он не любил слово «знаменитость», однако жаждал восхищения и признания. Когда к нему подходили незнакомцы со словами «Ваши книги изменили мою жизнь», он часто плакал. Так случилось и 14 декабря 2001 года – в день, который мэр Лос-Анджелеса Джеймс К. Хан объявил Днем Рэя Брэдбери. Когда Рэй шел домой после празднования в мэрии, из толпы к нему приблизился инвалид и сказал: «Спасибо за то, что вы изменили мою жизнь». Рэй был тронут до глубины души. А на Международном фестивале *ComicCon*, который проходил в 2003 году в Сан-Диего, я вез Рэя в инвалидной коляске, когда к нам подошел молодой афроамериканец и опустился на колени. «Я вырос в Южном Централ¹, но не стал бандитом, потому что у меня были вы. Вы, Азимов и Кларк стали моей бандой! Спасибо!» – воскликнул он. Глаза Рэя наполнились слезами.

¹ Южный Централ – округ Лос-Анджелеса, известный криминогенной обстановкой. С 2003 года называется Южным Лос-Анджелесом (здесь и далее – прим. перев.).

Молодой человек пожал ему руку и скрылся в толпе.

Впервые очутившись в доме Рэя, я рассказал свою историю – о том, как он помог мне развить воображение, как позже стал моим утешением в трудные времена, когда умирала мать. Больше всего Рэй любил слышать, что он каким-либо образом повлиял на жизнь своих читателей, изменил ее к лучшему.

Впрочем, близко сошлись мы не только поэтому. Мы оба выросли в одних краях и несли на коже пыль северного Иллинойса. Разговаривая о цвете солнца на Среднем Западе сентябрьским днем, мы обменивались понимающими улыбками. А когда я упомянул, что в одной из альтернативных чикагских газет вышло мое эссе о комиксе 1912 года «Индийское лето» (*Injun Summer*), в котором Джон Маккатчен воспекает позднюю осень, Рэй, разворошив гору сувениров в одной из комнат, протянул мне оправленный в рамку экземпляр этого комикса.

Думаю, он почуял во мне интерес к жизни, подобный собственному. Нас обоих увлекало очарование новых идей, мы оба любили наблюдать рождение истории и, как писатели, оба считали, что хорошие сюжеты окружают нас повсюду – нужно просто их «увидеть и отметить», как выражался Рэй.

В тот первый визит я познакомился и с Маргерит Брэдбери, на которой Рэй был женат более полувека. Одетая по-домашнему, в синий халат и тапочки, она заглянула в гостиную и сообщила хриловатым прокуренным голосом: «У меня

кошачий слух, так что я подслушала все ваше интервью». Ее впечатлили мои, как она выразилась, интригующие вопросы. В последующие годы мы провели с ней за разговорами не одну сотню часов, и нас связала нежная дружба. Я понял, что именно поддержка, вера и трудолюбие Мэгги дали карьере Брэдбери успешный старт.

Рэй первым признавал, что в их паре Мэгги – главный интеллект. Она знала четыре языка, много читала, любила историческую прозу, мистику, биографии, а больше всего – Марселя Пруста; в мой первый визит она читала его биографию на французском.

Во время своих частых поездок в Лос-Анджелес я имел честь познакомиться с четырьмя дочерьми и восемью внуками Рэя и Мэгги. Все они с великодушной добротой тут же приняли меня в свой круг.

После первого интервью в 2000 году Рэй предложил мне звонить, писать и дал номер своего факса. Мы стали переписываться еженедельно. Несколько месяцев спустя я вновь был в Лос-Анджелесе и заглянул к нему в гости, а через полгода появился замысел этой книги. Будучи журналистом, преподавателем колледжа и исследователем творчества Брэдбери, я с изумлением обнаружил, что его полноценной биографии до сих пор не существует. Рэй считал, что биография подводит черту под жизнью и до этого еще очень далеко. «Мне еще долго жить», – настаивал он.

Через несколько месяцев регулярной переписки и бесед

мне удалось убедить его, что мир давно нуждается в биографии Рэя Брэдбери. Однажды за обедом в ресторане Pacific Dining Car в Санта-Монике он наконец согласился, и с тех пор каждые три-четыре недели я прилетал из Чикаго в Лос-Анджелес, чтобы провести незабываемое время в обществе человека, прожившего фантастическую жизнь. Мы катались по городу на лимузине Рэя, ужинали допоздна в Чайна-тауне и ходили на постановки пьес Брэдбери в его собственном театре *Pandemonium*. Я наблюдал за тем, как Рэй читает вслух зачарованным слушателям в библиотеках, церквях и других общественных местах, сопровождал его на автограф-сессиях по всей Южной Калифорнии. Мы часто ездили в Голливуд; одним солнечным днем он обернулся и спросил: «Хочешь увидеть мою звезду?» Мы посмеялись над тем, как абсурдно и эгоцентрично это звучит, а потом, конечно, нашли на голливудской Аллее Славы его звезду, заложенную 1 апреля 2002 года. Рэй водил меня по кладбищу Hollywood Forever, где любил подростком гулять между гранитных плит, охраняющих могилы старой голливудской гвардии. Мы катались по городу и любовались архитектурой нового концертного зала *Disney* – органично вписанного в городской пейзаж могучего монолита, напоминавшего Рэю оригинальные футуристические конструкции всемирных выставок его детства. А иногда мы ездили в загородный дом Рэя в Палм-Спрингс, ужинали в ресторане мексиканской кухни и разговаривали, часами разговаривали обо всех эпохах его жизни.

На свой восемьдесят третий день рождения Рэй пригласил нас с женой на праздничный ужин, который устроило в его честь Планетарное общество. Главный подарок в этот день оказался поистине космическим: Марс, центральная планета мифологии «Марсианских хроник», подошел к Земле на пятьдесят пять миллионов и почти семьсот тысяч километров – ближе всего за последние шестьдесят тысяч лет.

А вечер Хэллоуина 2003 года я провел с Рэем и его младшей дочерью Александрой за вырезанием праздничных тыкв, пока проливной дождь остужал разогретые солнцем улицы Лос-Анджелеса. Хэллоуин с детства был любимым праздником Рэя – с подачи любимой тети Невы, его главной вдохновительницы. Даже в восемьдесят Брэдбери истово соблюдал традиции в канун Дня Всех Святых.

Много было и других памятных встреч. Каждое лето мы ездили на фестиваль комиксов в Сан-Диего; во время нашей первой поездки в 2001 году Рэй купил для Мэгги комикс по мотивам романа «В поисках утраченного времени», прекрасно зная, что она будет закатывать глаза и ругаться на упрощение ее возлюбленного Пруста до самой примитивной формы изложения в картинках. Когда мы привезли книгу домой, Мэгги посмеялась вместе с нами.

Лично познакомившись с Рэем Брэдбери в 2000 году, я затем имел счастье провести много дней в обществе американского кумира, чьи книги уже не одно десятилетие считаются обязательными к прочтению по всему миру, и узнать его

как человека. Мне открылись очень личные черты характера этой чрезвычайно публичной фигуры. Рэй Брэдбери обожает сладости, особенно шоколадные батончики *Clark*; в ресторанах он всегда заказывает на десерт ванильное мороженое с шоколадным соусом, даже когда его нет в меню. Ужиная как-то раз с Мэгги в одном парижском кафе, Рэй заказал свой излюбленный десерт; официант принял заказ, а потом обнаружил, что необходимых ингредиентов на кухне нет. Тогда он в панике послал человека в известную лавку мороженого в центре города. После невероятно долгого ожидания, когда Рэй с Мэгги, отчаявшись, уже собирались уходить, десерт наконец прибыл, совершив путешествие по булыжным мостовым и перегруженным магистралям через весь Париж.

А вот еще интересные факты: Рэй Брэдбери никогда не водил машину, однако в гараже у него стоит шоколадного цвета «ягуар» 1971 года выпуска – обязанности водителя в семье выполняет Мэгги. Рэй не любит принимать лекарства, а когда у него болит голова, полагается на самогипноз. Он не читает книги других фантастов и авторов фэнтези: «Не хочу невольно украсть их идеи». Рэй не верит в антропоморфного бога: «Это слишком ограниченная идея. Вселенная – огромная загадка. Мы не знаем, как она была создана». Тем не менее у него есть своя теория: «Вселенная существовала всегда. Почему нет? Это не менее правдоподобно, чем Большой взрыв».

Мэгги как-то раз по секрету сообщила, что из своих книг

Рэй больше всего любит «Вино из одуванчиков», а сам он утверждает, что любимого произведения у него нет: «Все они мои дети. Нельзя выбрать самого любимого ребенка».

У Рэя необузданное чувство юмора, что может стать неожиданностью для тех, кто ожидает увидеть в авторе «451° по Фаренгейту» мрачного пророка-параноика. Однажды мы возвращались домой поздно ночью; выйдя из лимузина, Рэй продолжал что-то рассказывать, громко смеясь и жестикулируя. В доме через дорогу приоткрылось окно, и темный силуэт, высунувшись наружу, прокричал: «Заткнись!» Представляете – Рэю Брэдбери велели заткнуться! Он посмеялся, и мы прошли к себе, продолжая шумно разговаривать.

Рэй избегает крепких выражений, поскольку вырос в строгой семье во времена, когда за грязные словечки детям совали в рот кусок мыла. Однако с годами он стал терпимее к ругательствам и порой – хотя очень редко! – позволяет себе крепкое словцо для пущего эффекта. Однажды это произошло во время лекции в местном университете, когда на семинаре по литературе студенты пытались разъяснить Брэдбери, о чем его роман «451° по Фаренгейту». Рэй сказал, что они ошибаются; студенты настаивали. «Нет, вы не правы», – повторил он. Этот литературно-критический пинг-понг продолжался еще некоторое время, и наконец Рэй, взбешенный преподавателем и студентами, которые вообразили, будто понимают роман лучше, чем сам автор, послал их непечатным словом, после чего, громко топая, стремительно вышел

из аудитории.

Рэй Брэдбери редко ругается, зато часто плачет – от радости и от печали. Плачет, когда смотрит новости; когда погружается в дорогие сердцу воспоминания; когда ему говорят добрые слова. Порой ему случается плакать несколько раз на дню. Рэй не сдерживает своих чувств – он сентиментален и не стыдится этого. А еще он веселый, великодушный, общительный, темпераментный и вообще замечательный.

На мой взгляд, Рэй Брэдбери – настоящий гений. Его формальное образование закончилось в старших классах школы, а все остальное время он учил себя сам в публичной библиотеке Лос-Анджелеса. Но главным наставником для него стала американская массовая культура, в которой он и сам оставил неизгладимый след, – рассказы, романы, радио, комиксы, кино, телевидение, театр, архитектура и дизайн. Пожалуй, ни один другой автор двадцатого века не произвел на массовую культуру такого огромного влияния – о чем и говорится в этой книге. Заодно вы узнаете ответ на вопрос, который Рэй Брэдбери слышит чаще всего: «Откуда вы черпаете идеи?»

Словом, вас ждет эпическая история иконы двадцатого века, любимого автора нескольких поколений, чьими книгами зачитываются миллионы, включая меня самого. Поскольку я поклонник Брэдбери, а Рэй благословил эту биографию, неизбежно возникает вопрос о ее объективности. Все воспоминания в «Хрониках Брэдбери» принадлежат Рэю; в ред-

ких случаях факты им противоречат, и каждый такой случай особо прокомментирован. Пока я собирал материал, разговаривал с Рэем, его родными, близкими и коллегами, работал в архивах университетов, ФБР и его личном архиве, Рэй ни разу не вмешался, не внес ни одного предложения и не попросил. Он знал, что я намерен рассказать полную историю его жизни, и уважал это намерение.

Теперь перед вами результат этого труда: жизнеописание Рэя Брэдбери. Будь вы давним поклонником его творчества или только вступаете в этот клуб, не сомневайтесь: вас ждет захватывающий космический полет.

Сэм Уэллер

Чикаго, Иллинойс, лето 2004 г.

1. В поисках утраченного времени

Главный вклад Рэя Брэдбери в нашу культуру – то, что он продемонстрировал: воображение не имеет границ. Его талант рассказчика вдохновил представителей не одного поколения на сочинение собственных историй, сколь угодно странных и невероятных. Сегодня дар Рэя Брэдбери важен для нас, как никогда, а его рассказы даровали ему бессмертие.

Стивен Спилберг

«Я помню день своего рождения».

С этой диккенсовской фразы начинается повесть о жизни Рэя Брэдбери. Воспоминания о рождении были одной из его любимых историй. Естественно, слушатели – будь то один человек или полный зал поклонников – нередко встречали этот рассказ с явственным недоверием.

«Я помню почти все, начиная с самого рождения, – продолжал Рэй. – Я много раз спорил по этому поводу с психологами и друзьями. Они утверждают, что это невозможно, но я-то помню!»

Во всяком случае, нам совершенно точно известно, что Рэй Дуглас Брэдбери появился на свет в Уокигане, штат Иллинойс, 22 августа 1920 года в четыре часа пятьдесят минут пополудни. Роды принимал доктор Чарльз Пирс, глав-

ный врач роддома, находившегося в нескольких кварталах от маленького домика Брэдбери. Рэй родился на месяц позже срока; по его теории, именно долгое время, проведенное в утробе, объясняет особую восприимчивость: «За десять месяцев в утробе у плода развиваются зрение и слух, потому-то я и помню, как рождался». Трудно спорить!

«У господина и госпожи Лео Брэдбери, Саут-Сент-Джеймс-стрит, 11, родился сын», – гласила заметка в газете Waukegan Daily Sun. Хотя в свидетельстве о рождении записано имя «Ray» – «Рэй», изначально ребенка называли «Raе» – «Рей» в честь Рея Уильямса, отцовского кузена. Однако в первом классе учитель посоветовал родителям изменить имя: «Оно слишком женское, и мальчика будут дразнить». А вот со вторым именем определились сразу: мать Рэя была большой любительницей кино (и вскоре привила эту любовь сыну), поэтому назвала его Дугласом в честь дерзкой звезды экрана – Дугласа Фэрбенкса.

Что касается рождения, то Рэй, по его словам, помнил угол обзора, с которого впервые увидел мир. Он помнил чудовищную боль рождения, выход из темноты на свет и отчаянное желание вернуться в безопасный полумрак материнского чрева. К неудовольствию скептически настроенных специалистов по раннему психологическому развитию, Рэй дополнял рассказ фрейдистскими подробностями: «Я помню, как сосал грудь, помню вкус материнского молока и ночные кошмары о рождении, которые преследовали меня в

колыбели в первые недели жизни».

Через два дня после рождения Рэй, по его словам, впервые познал настоящий ужас. Отец укутал младенца в одеяло и вынес из дома; они поднялись по темной лестнице и вошли в кабинет врача на втором этаже. Рэй помнил яркий неземной свет и холод, царившие в выложенной кафелем комнате; запах, который он много позже опознал как дезинфицирующий спрей Lysol; молочно-белое призрачное лицо врача и скальпель из нержавеющей стали у него в руках. А потом Рэй испытал острую боль обрезания.

Годы спустя его друг, писатель, критик и редактор журнала Magazine of Fantasy and Science Fiction Энтони Бучер заявил, что Рэй страдает навязчивыми фантазиями о возвращении в утробу. Тот парировал: «Да, но в чью?»

Родной город Рэя Брэдбери – Уокиган в штате Иллинойс – стоит на крутом берегу, нависающем над мирными зелеными водами озера Мичиган. Город находится в 65 километрах птичьего полета от центра Чикаго. Много веков назад эти земли были покрыты лесами; таяние льдов в конце ледникового периода изрезало мягкие породы глубокими оврагами, спускающимися к озеру. Хотя на западе раскинулись ровные поля, сам Уокиган с его лесистыми оврагами, холодными заливами и крутым берегом составляет интересный контраст популярному образу равнинной Америки.

Сегодня Уокиган стоит на перепутье. На рубеже веков

процветание города сменилось долгим экономическим спадом. В детстве Рэя озерное побережье Уокигана считалось популярным курортом, и на песчаных пляжах всегда былолюдно – в теплые солнечные дни там пестрели яркие зонтики, а в прохладном озере плескались мужчины, женщины и дети. Шли десятилетия, и жемчужина Уокигана – его песчаные пляжи – потускнела под влиянием промышленного загрязнения. Сегодня большинство заводов заброшено, и холодными зимними днями их проржавевшие скелеты содрогаются под порывами ветра, налетающего с озера Мичиган. Внутри город тоже переменялся: витрины пустеют, в окнах висят объявления об аренде. Хотя на побережье между Уокиганом и Чикаго расположены самые богатые пригороды страны, сам он остается в странной изоляции – стареющий, разрушающийся город с богатой историей и большими надеждами на будущее возрождение.

Склонность Рэя Брэдбери к фантастике, космосу, кино, всему жуткому и меланхоличному сформировалась в годы, когда ребенком он бегал по лесам, полям и мостовым Уокигана. Здесь зародилась его любовь к комиксам и магии, здесь берет начало его симбиоз с Голливудом. И хотя семейство Брэдбери покинуло эти края насовсем, когда Рэю было тринадцать, он до сих пор остается ребенком прерий: их голос звучит в текстах Брэдбери и служит ему моральным компасом. Именно годы, проведенные в Уокигане, который Рэй потом вывел в своих книгах под именем Гринтауна, навсегда

сформировали его личность.

В своих произведениях – от романа «Надвигается беда» (Something Wicked This Way Comes) до повести «Вино из одуванчиков» (Dandelion Wine) и ее неопубликованного продолжения «Лето, прощай!» (Farewell Summer) – Рэй Брэдбери навсегда запечатлел Уокиган как идиллический городок малоэтажной Америки. В 1920-х и 1930-х годах здесь действительно царила идиллия. Повседневность уокиганцев складывалась из парикмахерских, бродячих цирков, трамваев и ежегодных парадов стареющих ветеранов американской Гражданской войны. Летними днями клены, дубы и вязы шелестели над улицами города, и солнечные лучи, пробиваясь сквозь кроны, пятнами ложились на землю. Здесь были аптеки на углу, табачные лавки с деревянными фигурками индейцев у входа и магазинчики мороженого с белоснежными мраморными прилавками и шумными потолочными вентиляторами, дарившими спасение от летней жары.

Впрочем, Уокиган, как и большинство американских городов, не сводится к нарядной картинке. Город с богатой, пронизанной волшебством историей скрывает от случайных зрителей свою темную сторону – совсем как Рэй Брэдбери, плоть от плоти его. Невозможно понять личность Брэдбери, не заглянув за романтический фасад его родного города. Уокиган, по некоей сверхъестественной прозорливости, стал метафорой воображения Рэя задолго до его рождения. История города полна событий и явлений, которые впослед-

ствии вплелись в тонкую ткань текстов его самого знаменитого сына.

Первыми обитателями земель, ставших впоследствии округом Лейк в штате Иллинойс, были индейские кочевники, прозванные строителями курганов за обычай хоронить мертвых с оружием, глиняной утварью и сельскохозяйственными орудиями под большими земляными насыпями. Строители курганов, древние предки многих индейских племен, процветали в Северной Америке четыре тысячи лет. Много веков эти земли принадлежали только им.

Поселенцы из Западной Европы прибыли в 1673 году: отец Жак Маркетт, французский иезуитский миссионер, высадился к северу от залива Уокиган в сопровождении индейцев поттаватоми, чтобы переждать неблагоприятную погоду. За ним вскоре последовали другие французские первопроходцы, и в регионе появился пункт торговли между коренными американцами и новыми поселенцами, получивший название Литл-Форт – «Маленькая крепость», или, на языке индейцев поттаватоми, Уокиган.

Все новые и новые люди прибывали в Литл-Форт в поисках земли, и 26 сентября 1833 года поттаватоми уступили территорию правительству Соединенных Штатов, а сами переселились к западу от Миссисипи. 2 апреля 1860-го, год спустя после официального создания города на месте поселения, в Уокиган поездом из Чикаго прибыл известный ад-

вокат Авраам Линкольн, которому тогда шел пятьдесят второй год. По городской легенде, в одной из цирюлен Уокигана он побрился в последний раз перед тем, как стал отращивать свою знаменитую бороду.

Через шесть недель должен был состояться всеамериканский съезд, и Линкольн вел предвыборную кампанию за пост президента. В речи, произнесенной в Dickinson Hall перед аудиторией, насчитывавшей более полутора тысяч жителей Уокигана, Линкольн рассуждал о национальном суверенитете и проблеме рабства, которая в то время становилась все более актуальной. В 1909 году, несколько десятилетий спустя, уокиганец Дж. П. Халл описал это выступление в интервью местной газете: «Линкольн заявил, что цивилизация признала рабство ошибкой. Он сказал, что только Соединенные Штаты с их хваленной свободой превратили рабство в официальный институт – и поступили неправильно».

Одаренный оратор, Линкольн полностью завладел вниманием аудитории, однако всего через двадцать пять минут его выступление прервал набат: загорелся старый склад на берегу озера, и пламя было видно даже из окон *Dickinson Hall*. Люди бросились тушить пожар, и Линкольн присоединился к ним. На месте стало очевидно, что склад не спасти – пламя его поглотило.

Другое примечательное событие произошло в Уокигане в 1894 году. Один из жителей города, Эдвард Х. Амет, изобрел «магнископ Амета», который позднее признали одним

из первых в мире кинопроекторов. Пионер в области кинематографии, Амет снимал короткометражные фильмы прямо на заднем дворе. Поистине символично, что один из самых важных технологических прорывов в истории возлюбленного Рэем кинематографа произошел именно в его родном городе.

В 1920 году, когда родился Рэй Брэдбери, Уокиган был процветающим городом с населением 33 499 человек. Для любителей рассказов о Гринтауне – повести «Вино из одуванчиков» и романа «Надвигается беда» – эта внушительная цифра станет неожиданностью: реальный Уокиган был гораздо больше, чем выдуманный Рэем маленький американский городок. В 1920 году он представлял собой развитый промышленный город. В гавань то и дело прибывали корабли с Великих озер. Металлургическая компания American Steel and Wire Company, в которой работал дед Рэя по материнской линии, швед Густав Мoberг, процветала. Плaжи озера Мичиган считались популярным летним курортом, и семейство Брэдбери часто проводило время на берегу. Дженеси-стрит являла собой образцовую главную улицу средне-статистического американского города – с разноцветными столбиками парикмахерских и большими стеклянными витринами магазинов. В Уокигане царили мир и покой. Первая мировая война завершилась победой, наступал век джаза – словом, время и место для появления на свет были отличные, и на протяжении жизни Рэй не раз возвращался в Уо-

киган за вдохновением.

Разумеется, ветви семейного древа Брэдбери простирались далеко за пределы Уокигана и вообще Иллинойса. Первые документально засвидетельствованные предки Брэдбери жили в 1433 году в Англии, а в 1634 году двадцатичетырехлетний Томас Брэдбери из английского города Уикен-Бонант стал первым представителем семейства за океаном. Он быстро сделался влиятельным членом местного сообщества, депутатом законодательного собрания, а позднее членом суда.

Самой яркой фигурой в семейной истории оказалась жена Томаса – Мэри Брэдбери. 26 июля 1692 года она предстала перед судом в городе Салем по обвинению в колдовстве. Ей, матери одиннадцати детей, на тот момент было семьдесят два года. Как, должно быть, она боялась! «Милостию Господа, пославшего меня на сию землю, я полностью невиновна в подобных злодеяниях», – заявила она, но к ней не прислушались. Мэри Брэдбери, урожденная Мэри Перкинс, была известной и уважаемой жительницей Солсбери, что в округе Эссекс штата Массачусетс, и сто восемнадцать жителей города подписали петицию, свидетельствующую о ее добродетельности, однако даже хорошая репутация, поддержка друзей, соседей и влиятельного мужа не помогла ей избежать обвинения.

В 1692 году по колонии Массачусетского залива пронеслась эпидемия страха, оставшаяся в истории как знаменитая охота на салемских ведьм. Судорожные припадки двух ма-

леньких девочек стали толчком к беспрецедентному расследованию. С мая по октябрь 1692 года девятнадцать женщин были признаны ведьмами и повешены, еще одна подверглась пыткам, а по меньшей мере пять умерли в тюремном заключении. Всего обвинили не менее ста шестидесяти человек. Салем охватила истерия. Зло овладело новоанглийской колонией, и горожане стремились избавиться от проклятия любой ценой.

Дело Мэри Брэдбери основывалось на безумных обвинениях двух мужчин, которые, проходя мимо ее дома, якобы видели, как со двора выбегает синий боров. Некоторые обвиняли миссис Брэдбери в отравлении команды корабля, шедшего на Барбадос: предполагалось, что она поставила на корабль отравленное сливочное масло (и неважно, что холодильников тогда не существовало). Один мужчина засвидетельствовал, что видел госпожу Брэдбери на борту корабля: разыгрался шторм, и в неверном свете луны моряк увидел на кабестане призрак Мэри Брэдбери – предзнаменование несчастья.

В свете таких свидетельских показаний 6 сентября 1692 года Мэри Брэдбери признали виновной и приговорили к казни. Тем не менее ей удалось избежать виселицы – влиятельный супруг, видимо, сумел подкупить охрану, чтобы вытащить жену из тюрьмы. Мэри Брэдбери, едва не павшая жертвой охоты на салемских ведьм, умерла свободной женщиной 20 декабря 1700 года в возрасте восьмидесяти пяти

лет.

Более двух с половиной веков спустя после салемской трагедии потомок Мэри, Рэй Брэдбери, громко выступил против новой охоты на ведьм, начавшейся в эпоху Маккарти. Удивительно ли, что человек, написавший одно из самых важных произведений, обличающих цензуру, тоталитаризм и безумие властей, был потомком салемской ведьмы? Во многих смыслах «451° по Фаренгейту» (*Fahrenheit 451*) можно считать откликом не только на маккартизм, но и на несправедливые обвинения в адрес далекой прародительницы. О своем родстве с Мэри Брэдбери Рэй писал в сборнике «Авторы двадцатого века» (20th Century Authors) несколько месяцев спустя после публикации «451° по Фаренгейту»: «Должно быть, она передала мне непреодолимое стремление к свободе от страха и омерзения к любым формам контроля и преследования за мысли».

Впрочем, это не единственный предок, оказавший на Рэя Брэдбери метафорическое влияние. Пять поколений спустя после Томаса и Мэри, 8 ноября 1828 года, в городе Олбани, штат Нью-Йорк, родился Сэмюэл Ирвинг Брэдбери, прадед Рэя. В четырнадцать он стал подмастерьем печатника, однако его манили приключения, поэтому, покончив с ученичеством, он нанялся на корабль, курсирующий по Гудзону. Когда Сэму исполнилось девятнадцать, его отец скончался, и он, как старший сын, стал кормильцем семьи. Пионерский дух привел осиротевших Брэдбери в Иллинойс: паром

ход пришвартовался в гавани Уокигана (который тогда еще назывался Литл-Форт) 26 ноября 1847 года. В этих краях у семьи были друзья, и Сэм надеялся добиться большего достатка. О его приключениях гласит краткая запись в дневнике: «1 декабря срубил первое дерево на своем участке».

Сходство между Сэмюэлом И. Брэдбери и его правнуком Рэем не очевидно, и все же оно есть – в опыте книгопечатания, любви к слову и пионерском духе. Именно он пронизывает классическое произведение Брэдбери – «Марсианские хроники» (*The Martian Chronicles*) 1950 года.

Немногим более месяца спустя после прибытия на Средний Запад мать Сэма Брэдбери скончалась, и у него на руках остались четверо младших братьев и сестер. Он возобновил работу на кораблях, но вскоре решил вернуться к профессии, освоенной в юности, и занялся книгопечатанием. 25 ноября 1851 года Сэм женился на Мэри Сполдинг, дочери Лютера и Шарлотты Сполдинг. Состоятельное семейство Сполдинг владело земельным участком под названием Сполдинг-Корнерс, а также кладбищем *Union Cemetery*, где сейчас похоронены многие Сполдинги и Брэдбери. Рэй использовал фамилию Сполдинг для персонажей своей автобиографической фантастической повести «Вино из одуванчиков», а в 1950 году указал псевдоним «Леонард Сполдинг» (из имени отца и девичьей фамилии прабабушки) при первой публикации рассказа «На большой дороге» (*The Highway*).

У Сэма и Мэри было трое детей: Фрэнсис, Дьюитт и

Сэмюэл (популярное имя в роду Брэдбери). Дед Рэя, Сэмюэл Хинкстон Брэдбери родился 3 мая 1858 года. Сэмюэл-старший занимался печатным делом и сотрудничал с несколькими газетами, что заложило долгую традицию отношений семейства Брэдбери с издательствами. Он славился как хороший мастер – внимательный к деталям, методичный и тщательный. К 1860 году, когда Уокиган посетил Линкольн, Сэмюэл-старший запустил собственную газету Lake County Patriot, в которой работал редактором, автором и издателем. Впрочем, печатным и издательским делом карьера прадеда Рэя Брэдбери не ограничивалась. В 1881 году Сэмюэл И. Брэдбери, составивший себе хорошую репутацию и уже вышедший на политическую арену как олдермен, принял участие в выборах мэра Уокигана – и победил.

В последующие годы, когда фамилия Брэдбери стала известной и уважаемой в городе, семейство Сэмюэла переселилось в солидный викторианский особняк. Дом уже давно снесли, а когда-то он находился по адресу: Норт-Стейт-стрит (позднее Шеридан-роуд), 22. Из окон гостиной сквозь тюлевые занавески виднелось озеро Мичиган. Дом имел сплошную веранду с изящной деревянной резьбой и колоннами. Центральная башенка насчитывала четыре этажа. Именно этот роскошный особняк послужил образцом для дома бабушки и дедушки Сполдинг в «Вине из одуванчиков». Хотя реальные бабушка и дедушка Рэя жили в более скромном доме, он решил изобразить их в старой резиденции Брэдбе-

ри с высоким чердачным окном, из которого открывается вид на море зелени внизу, а в 2001 году придумал еще одно воплощение этого дома – мрачную, но уютную викторианскую усадьбу семейства Элиот в романе «Из праха восставшие» (*From the Dust Returned*):

«...он уходил корнями подвалов в китайские кладбища и поражал воображение величественными фасадами, напоминавшими лондонские... Балок хватило бы, чтобы покрыть собор Святого Петра, а окон – чтобы ослепить всех перелетных птиц. На окольцовывавшей Дом веранде достало бы места для роскошного празднества с участием всех обитателей и их родни»².

Рэй Брэдбери сознательно и подсознательно творил, опираясь на богатую семейную историю. Персонажи романа «Из праха восставшие», семейство странных и необузданных созданий – фантазмагорическое переосмысление собственных предков Рэя. Готический особняк на обложке книги, написанный в 1946 году знаменитым художником журнала *New Yorker* Чарльзом Аддамсом, явственно напоминает фотографии старого дома Брэдбери. В доме с высоким чердаком, центральной башенкой и резными коньками крытых шашечной кровлей крыш были, по фантазии Рэя, «мыши в каждой норе, сверчки за каждым камином, дым в несметных трубах и существа, похожие на людей, в каждой постели».

² Здесь и далее перевод цитат из произведений Бредбери – С. Харитонova.

Следующий примечательный персонаж в семейном древе Брэдбери – дед Рэя Сэмюэл Хинкстон, младший сын Сэмюэла Ирвинга. В 1885 году в возрасте семнадцати лет Сэмюэл Хинкстон начал осваивать основы семейного издательского дела: сочинение, редактирование и оформление статей, типографский набор и печать. Удивительно ли, что чудаковатый внук-фантазер уокиганского издателя в 2000 году получит одну из высочайших наград в издательском мире – медаль Национального книжного фонда за выдающийся вклад в американскую письменную культуру, а сам Сэмюэл Хинкстон обретет бессмертие в творчески переосмысленной фигуре мужественного, доброго и любящего дедушки в «Вине из одуванчиков»?

Сэмюэл Хинкстон был сильным, тихим и задумчивым юношей с пристальным взглядом серо-стальных глаз. Он любил читать и часто проводил целые дни с книгой или газетой на коленях. От рождения ему суждено было работать в печатной и издательской компании отца Bradbury amp; Sons, однако воображением молодого человека владели менее традиционные мечты – отправиться на Дикий Запад и сделать там состояние. Тем не менее Сэмюэл Ирвинг рассчитывал на сына, поэтому Сэмюэл Х. стал работать в отцовской конторе, расположенной в быстрорастущем деловом центре Уокигана. Отказавшись (по крайней мере, на время) от своих мечтаний о приключениях, он в 1889 году женился на Минни

Элис Дэвис. Через год после свадьбы, 1 декабря 1890 года, у молодой пары родился первый сын – Леонард Сполдинг Брэдбери, отец Рэя. Второй сын, Сэмюэл Хинкстон-младший, появился на свет в ноябре 1894 года. Тем временем Сэмюэл Хинкстон-старший, продолжая работать в издательстве, затеял собственный бизнес – прачечную Waukegan Steam Laundry Company, предлагавшую услуги паровой стирки белья. Издательский дом и прачечная находились в соседних зданиях по адресу: Шеридан-роуд, 106.

Хотя о предках Рэя Брэдбери с отцовской стороны известно довольно много, сведения о том, что 21 января 1896 года у Сэмюэла Хинкстона родилась дочь, до сих пор не публиковались. Историки считали, что в семье была только одна девочка – Нева, тетя Рэя, родившаяся на десять лет позже. Тем не менее в свидетельстве о рождении, выданном в округе Лейк, штат Иллинойс, указано, что в 1896 году у Сэмюэла Хинкстона, тридцати восьми лет, и Минни, двадцати пяти лет, родился третий ребенок. Имя не указано – написано просто «третий ребенок Брэдбери». Когда в 1900 году прошла перепись населения, никаких дочерей в семействе Брэдбери не обнаружилось. Рэй смутно припоминал слышанные в детстве разговоры о девочке, которая вроде бы умерла в младенчестве, и родители так горевали, что старались как можно реже об этом вспоминать.

Что странно, свидетельства о смерти неопознанной девочки нет в архивах ни в округе Лейк, ни в соседних округах –

ребенок словно испарился. Впрочем, это может объясняться отсутствием отработанной практики ведения записей – на рубеже веков свидетельства о смерти выдавались не всегда. Тем не менее в данных переписи 1910 года указано, что в доме Сэмюэла Хинкстона и Минни Брэдбери проживало пятеро детей: Леонард, Сэм-младший, Бион, Нева и некая Роуз М. Брэдбери. Все дети были отмечены как ныне живущие, умеющие читать и писать. Однако никаких фотографий тринадцатилетней девочки в семейных архивах Брэдбери не сохранилось, а отец Рэя и его тетя Нева никогда не говорили, что у них была сестра-подросток. В школьных архивах Уокера никакая Роуз М. Брэдбери также не упоминается. Возможно, супруги Брэдбери рассказали переписчикам, что у них когда-то была дочь, которой в 1910 году исполнилось бы тринадцать, и те по ошибке записали ее как живого ребенка. Так или иначе, Роуз М. Брэдбери на краткий миг появилась в документах за 1910 год, и после этого о ней никто не слышал. Скорее всего, девочка, родившаяся в январе 1896 года, вскоре умерла и была наречена посмертно, как многие младенцы в те времена.

В апреле 1902 года у Сэмюэла Хинкстона и Минни родился третий сын, Бион Эдвард. Семья росла, а ее главу не покидала жажда приключений на Диком Западе. К 1906 году издательское дело отца и собственная прачечная компания окончательно надоели Сэмюэлу Хинкстону, он скопил денег на черный день и убедил жену, что настало время

исполнить его давнюю мечту. Минни Брэдбери сдалась: она с детьми осталась в Иллинойсе, а Сэмюэл на много месяцев уехал в Неваду, где вложил средства в две золотодобывающих компании – Goldfield Mining Company и Bullfrog Mining Company в надежде разбогатеть и улучшить положение семьи.

В том же году отец Рэя, Леонард Сполдинг Брэдбери, тоскуя по собственному отцу, сбежал из дома и направился на запад, чтобы присоединиться к Сэмюэлу Х. в предгорьях Невады. Леонард был сильным, крепким юношей метр семьдесят ростом, в школе играл в футбол и ничего не боялся. Он путешествовал зайцем на товарных поездах, а иногда даже на сцепках между товарными вагонами – опасная, зачастую смертельная практика, распространенная в те времена среди бродяг. Добравшись до Невады, Леонард присоединился к отцу в поисках драгоценных металлов и богатства, но вскоре Сэмюэл Хинкстон разочаровался в своей мечте и в 1907 году вернулся вместе с сыном домой – без денег и в подавленном расположении духа. Неудача безвозвратно изменила Сэмюэла Х., и воспоминания о крушении мечты преследовали его до конца дней.

Леонард, отец Рэя, после возвращения стал работать в семейном издательском деле. Тем временем у Сэмюэла Хинкстона и Минни родился еще один ребенок: 10 марта 1909 года на свет появилась Невада Мэрион Брэдбери, которой суждено было стать любимой тетей Рэя и сыграть решающую

роль в развитии его воображения. Имя ребенка явно свидетельствовало о том, что Сэмюэл Х. не забыл о своих несбывшихся мечтах по добыче золота на Западе.

В 1912 году Леонард Брэдбери начал ухаживать за матерью Рэя, Эстер Мари Мoberг – невысокой полной девушкой с густыми темными волосами и сдержанной улыбкой. Она была благовоспитанной, вежливой и тихой – по описанию Рэя, «всегда туго зашнурованной», как настоящая женщина Викторианской эпохи. Два года спустя, 8 августа 1914 года, Леонард и Эстер поженились в церкви Святой Елизаветы в городе Гленко, штат Иллинойс, к югу от Уокигана.

Шведское семейство Мoberг иммигрировало в США в 1890 году из Стокгольма, где в 1888 году родилась Эстер. Восемь лет Мoberги прожили в Массачусетсе, а в 1898 году переехали в Уокиган, где поселились их родственники. Как и многие другие шведы в Уокигане, Густав Мoberг, дед Рэя по материнской линии, работал в местной сталеплавильной компании. Клан Мoberгов был велик: у Эстер было три брата (Лестер, Филип, Инар) и две сестры (Виктория и Сигни). Все Мoberги хорошо знали шведский, кроме Эстер, которая понимала язык, но не могла на нем разговаривать. Рэй тепло вспоминал своих тетушек с материнской стороны как «шведских сестер».

Филип Мoberг работал администратором в местном бюро энергоснабжения и освещения, получая вполне приличную

зарплату – две сотни долларов в неделю. Второй дядя Рэя, Лестер Моберг, был потрясающе красивым молодым человеком. Инар Моберг, один из самых любимых родственников Рэя, выведенный позднее в образе влюбленного вампира с большими зелеными крыльями в рассказе «Дядюшка Эйнар» (*Uncle Einar*), работал водителем в местной прачечной *Snow White Laundry* и регулярно заезжал в дом Брэдбери с доставкой свежестиранного белья (очень часто со скидкой или вовсе бесплатно). «Он приносил в мою жизнь радость, – вспоминал Рэй. – Шумный, громкоголосый, пьющий шведский дядюшка врывался в наш дом с воплями и уходил с криками». Возможно, Инар так привлекал мальчика потому, что подобная шумная эмоциональность была не принята в семействе Брэдбери. Тихие и вежливые родители Рэя всегда оставались сдержанными и серьезными, как и полагалось людям их хорошо воспитанного поколения.

После свадьбы в 1914 году молодая чета поселилась в двухэтажном доме по адресу: Вашингтон, 619, где жили родители Леонарда, а также Сэм-младший, Бион и Невада, которую все ласково звали Невой. Началась Первая мировая война. Сэмюэл Х. Брэдбери по-прежнему вел издательское дело, а также управлял паровой прачечной, которой владел совместно с другом. Леонард Брэдбери некоторое время пробыл городским депутатом, а затем присоединился к Сэму-младшему, уехавшему учиться в военную академию Вест-Пойнт, и вскоре поступил на флот. На всем протяже-

нии службы Леонард был прикомандирован к военно-морской базе Гленвью на юге от Уокигана.

17 июля 1916 года у Леонарда и Эстер родились близнецы – Леонард-младший и Сэмюэл. Эстер души не чаяла в пухлых малышах, у которых вскоре выросли густые светлые волосы, и с гордостью катала их по улице в двухместной коляске. Однако через несколько месяцев после того, как близнецам исполнился год, разразилась трагедия: 30 сентября 1918 года маленький Сэм скончался от испанки. Эстер была в отчаянии. Несчастные родители похоронили сына на кладбище Оуквуд на юге Уокигана. В тени густых вековых деревьев среди растрескавшихся от времени могильных плит затерялась маленькая могилка без памятника – у семейства Брэдбери не хватило денег. В кладбищенском регистрационном журнале, который сейчас хранится в подвальном архиве мэрии Уокигана, неровным почерком записано: «Младенец Брэдбери».

Две недели спустя брат Леонарда Сэмюэл, окончивший в 1917 году академию Вест-Пойнт, отправился на войну во Францию. Капитан Сэм, как и его знаменитый впоследствии племянник, тоже обладал литературными наклонностями: в 1912 году, учась в Центральной средней школе Уокигана, Сэм Брэдбери (для друзей просто Брэд) снискал славу поэта. Под его фотографией в школьном ежегоднике Уокигана написано:

«Восславим же в нем сладкое безумье это,

Что по закону овладело
Разумом поэта».

В 1938 году Рэя Брэдбери тоже отметят за литературные достижения в ежегоднике средней школы Лос-Анджелеса *The Blue and White Annual*. Увы, судьбы Рэя и его дяди Сэма сложились совершенно по-разному. В 1918 году, на закате войны, Сэм скончался по пути во Францию, даже не познав ужаса сражений: его сразила эпидемия испанки – та же, что унесла жизнь маленького сына Леонарда и Эстер. Как и многие американские солдаты того времени, капитан Сэм Брэдбери похоронен во Франции на военном кладбище *Oise-Aisne*.

Менее двух лет спустя, поздней осенью 1919 года, Леонард Брэдбери уволился из военного флота, и Эстер снова забеременела. Чета Брэдбери вместе с единственным оставшимся сыном Леонардом-младшим переехала в небольшой дом, располагавшийся сразу за домом Сэмюэла Хинкстона по адресу: Вашингтон, 619. Скромный каркасный домик на Саут-Сент-Джеймс-стрит, 11, принадлежал Сэмюэлу Хинкстону и сдавался в аренду.

Потеряв одного ребенка, Эстер твердо вознамерилась оберегать Леонарда и новорожденного сынишку, названного Рэем, от всех опасностей, поэтому пристально следила за малышом. Летом она даже привязывала годовалого Рэя веревкой к яблоне, чтобы он не уполз, пока мать развешивает белье. Она не спускала с ребенка глаз, до шести лет кормила

его из бутылочки и до подросткового возраста – с ложечки. Все условия для формирования крайней чувствительности Рэя были заложены еще в раннем возрасте. В тот же период зародилась темная сторона его личности – мрачный мир ночных кошмаров и необъяснимых страхов. Интерес к мрачному, странному и пугающему Рэй объяснял обстоятельствами своего раннего детства: «Полагаю, меня заразила мать – она была очень тревожной, боялась, как бы со мной чего не случилось. Думаю, многие из ее страхов перешли ко мне».

В семействе Брэдбери и не догадывались, что у них растет не по годам развитый ребенок. Эдна Хатчинсон, вышедшая в 1924 году замуж за Биона, вспоминая знакомство с новообретенным племянником, заявила: «Он был обычным мальчуганом». Однако любимый мамин мальчик, выкормленный из бутылочки, рос, и его натура давала о себе знать – проявилась любовь к вниманию публики, которую Рэй пронес через всю жизнь. Он идеально вписался в классический образ младшего сына, любил развлекать людей и привлекать к себе внимание. «Бывало, он играл в песке на дворе, – вспоминала Эдна Хатчинсон, – а когда я проходила мимо, говорил: «Эдна, смотри!» – и съедал ложку песка».

Семейные традиции тех времен Рэй запечатлел в «Вине из одуванчиков» – элегической повести о лете на Среднем Западе. Летними вечерами, когда на Уокиган спускались сумерки, все большое семейство Брэдбери собиралось после ужина на веранде дома бабушки и дедушки Рэя по адресу:

Вашингтон, 619. Эти сумеречные посиделки запечатлелись в самых ранних детских воспоминаниях Рэя. Сэм Брэдбери раскуривал трубку, а мальчики вытягивались на дощатом полу и слушали пение наступающей ночи, пока взрослые негромко разговаривали. «Через ксилофонное поскрипывание половиц до меня доносился рокот дедушкиного голоса, – вспоминал Рэй. – Можно сказать, это было своего рода простейшее радио».

Хотя маленький Рэй еще не вполне понимал, о чем говорят взрослые, в их голосах он улавливал печаль одиночества – ведь даже самые прекрасные времена неизбежно подходят к концу. Эту атмосферу он описывал в «Вине из одуванчиков»:

«Если встать под окнами столовой, можно было услышать, как около семи от столов со скрипом отодвигаются стулья, чьи-то пальцы пробегают по желтым зубам пианино, кто-то чиркает спичкой, в пенную мойку со звоном опускается посуда, стенные полки постанывают под весом тарелок, и откуда-то доносятся едва слышные звуки патефона. А когда вечер подкрадывался ближе, на сумеречных улицах в тени раскидистых дубов и вязов один за другим появлялись на верандах люди, словно фигурки в часах, предсказывающих погоду... Сидеть на веранде летним вечером так приятно, спокойно и уютно, что отказаться от этого просто невыносимо. Благим ритуалам суждено жить долго».

Когда Рэю исполнилось два года, в его жизни появилось радио. Из простых деталей – кристалла, мотка швейных ниток и обрезка медной проволоки – дедушка Брэдбери собрал детекторный приемник и слушал его в спальне наверху. Однажды он привел туда Рэя, посадил на колени и надел на малыша наушники. «Я услышал музыку из далекого Скенектади, и это было мое первое настоящее знакомство с радио, – вспоминал Рэй. – Слушая, как поют далекие голоса, я и не догадывался, что слышу будущее». Так началось влияние средств массовой информации на впечатлительную натуру Рэя Брэдбери. Немногим более года спустя, зимой 1924-го, головокружительное мелькание кадров черно-белого немого кино зачарует мальчика и на всю жизнь возьмет его в плен.

Эстер Брэдбери обожала кино и передала эту любовь младшему сыну, тем самым оказав серьезное влияние на его жизнь и творчество, в которых кино всегда играло решающую роль. Муж Эстер не разделял ее увлечения, поэтому она часто брала на дневные киносеансы Рэя. По его воспоминаниям, мать смотрела не меньше одного фильма в неделю. Жаркими днями, когда на улице нещадно палило солнце северного Иллинойса, Эстер с младшим сыном сбегала в темный кинозал, как в другой мир, а холодными зимними днями укутывала Рэя потеплее и приводила в уютный кинотеатр греться.

В феврале 1924 года Эстер впервые отвела Рэя в расположенный недалеко от дома кинотеатр Elite. На афишах рекламировался фильм «Горбун из Нотр-Дама» с Лоном Чейни. Билет со скидкой на картину продолжительностью два с половиной часа стоил пятьдесят пять центов. Рэй почти не запомнил обстановку и посетителей кинотеатра в тот зимний день, зато черно-белые кадры, мелькавшие на экране, оставили в его памяти неизгладимый след. Говорить, что фильм потряс трехлетнего мальчика, было бы преуменьшением: он заложил в плодовитом уме Рэя основы того, что станет впоследствии его фирменным стилем: вкладывать элемент причудливого, фантастического и невероятного в откровенно человеческие истории. «По воле божьей я оказался существом, к которому накрепко прилипают метафорические образы, – объяснял Рэй. – Все увиденные метафоры, начиная с «Горбуна из Нотр-Дама», навечно застревали у меня в памяти».

В этом классическом фильме Лон Чейни играет одну из самых непростых ролей в своей карьере – уродливого горбуна с нежным сердцем. «Горбун затронул в моей душе некую тайную струну, и я, как ни удивительно для трехлетнего ребенка, почувствовал, что во мне самом, возможно, есть что-то от него. Не знаю, как фильм мог пробудить сочувствие в трехлетке, но Чейни сыграл Горбуна так изумительно, а история несчастной любви оказалась такой яркой и трогательной, что я, несмотря на нежный возраст, потянулся к нему

всей душой и, хотя был еще мал, ощутил себя Горбуном. Именно так все и вышло», – вспоминал Рэй. Уже в трехлетнем возрасте он чувствовал, что отличается от своих родных – что сам в некотором смысле отщепенец. «Горбун из Нотр-Дама» стал для Рэя утешением, показав, что он не одинок – у него был брат по духу, живший в высокой башне мрачного средневекового Парижа.

Фильм не просто очаровал мальчика; он пробудил в Рэе горячую любовь к кино – к искусству, которое впоследствии помогло ему отточить ремесло рассказчика и овладеть тайной сжатого повествования. Многие произведения Брэдбери, как и лучшие киноленты, можно назвать строго концептуальными; его идеи просты, метафоричны и хорошо запоминаются. Именно благодаря их кинематографичности поколение за поколением дети стекаются в воображаемые миры Брэдбери, словно он, по его собственному выражению, Гамельнский крысолов. «Я не просто дитя своего времени; справедливее сказать, что я дитя кинематографа своего времени, поскольку он существенно повлиял на направление моего творчества в последующие годы, на то, что я пишу и как выражаю свои мысли», – замечал Рэй. Именно кино дало толчок его необузданному воображению. Именно кино послужило для него, как он выражался, «завтраком чемпиона», впервые познакомив с метафорами. Именно кино стало той ракетой, на которой Рэй Брэдбери отправился в будущее.

ПРИМЕЧАНИЯ³

«...Рэй Дуглас Брэдбери появился на свет...»: свидетельство о рождении Рэя Дугласа Брэдбери, 22 августа 1920 года, округ Лейк, запись клерка № 4750.

«У господина и госпожи Лео Брэдбери, Саут-Сент-Джеймс-стрит, 11, родился сын...»: *Waukegan Daily Sun*, 29 августа 1920 года.

«Годы спустя его друг...»: письмо Рэя Брэдбери Энтони Бучеру от 10 июля 1947 года, из личного архива Рэя Брэдбери.

«Первыми обитателями земель...»: *Osling, Historical Highlights of the Waukegan Area*; *Holmes, The History of Waukegan*.

«По городской легенде...»: *Waukegan News-Sun*, 5 ноября 1984 года.

«В 1909 году, несколько десятилетий спустя...»: Историческое общество Уокигана, вырезки из ежедневных газет Уокигана за февраль 1909 года.

«Другое примечательное событие произошло в Уокигане...»: *Holmes, The History of Waukegan*.

«В 1920 году, когда родился Рэй Брэдбери, Уокиган был...»: данные четырнадцатой переписи населения США.

³ В основу этой книги легли сотни часов моих разговоров с Рэем Брэдбери. Все цитаты и сведения взяты из этих интервью, если не указано иное.

«Первые документально засвидетельствованные предки Брэдбери...»: Lapham, The Bradbury Memorial.

«26 июля 1962 года она предстала перед судом...»: Boyer, The Salem Witchcraft Papers.

«...я полностью невиновна...»: там же.

«Дело Мэри Брэдбери основывалось...»: там же.

«...6 сентября 1692 года Мэри Брэдбери признали виновной...»: там же.

«Должно быть, она передала мне...»: Kunitz, 20th Century Authors.

«8 ноября 1828 года в городе Олбани, штат Нью-Йорк, родился Сэмюэл Ирвинг Брэдбери...»: некролог Сэмюэла И. Брэдбери, *Yard Scrapbook*, *Историческое общество Уокигана*.

«1 декабря срубил первое дерево...»: там же.

«Немногим более месяца спустя после прибытия...»: там же.

«У Сэма и Мэри было трое детей...»: Lapham, The Bradbury Memorial».

«Сэмюэл Хинкстон Брэдбери родился...»: свидетельство о смерти Сэмюэла Хинкстона Брэдбери, штат Иллинойс, округ Лейк, запись клерка № 1023.

«Сэмюэл-старший занимался печатным делом...»: некролог Сэмюэла И. Брэдбери, *Yard Scrapbook*, *Историческое общество Уокигана*.

«...а когда-то он находился по адресу: Норт-Стейт-стрит

(позднее Шеридан-роуд), 22...»: Bradbury Collection, Историческое общество Уокигана.

«...он уходил корнями подвалов...»: Брэдбери, «Из праха восставшие».

«...мышь в каждой норе...»: там же.

«...21 января 1896 года у Сэмюэла Хинкстона родилась дочь...»: свидетельство о рождении, штат Иллинойс, местная запись № 602.

«Когда в 1900 году была проведена перепись населения...»: сведения о дочери Брэдбери в переписи населения США 1900 года отсутствуют.

«Тем не менее в данных переписи 1910 года указано...»: сведения о Роуз М. Брэдбери присутствуют в переписи населения США 1910 года от 19 июня 1910 года.

«Леонард, отец Рэя, после возвращения стал работать...»: в городском справочнике Уокигана за 1906–1907 годы Леонард С. Брэдбери указан как «печатник».

«В 1912 году Леонард Брэдбери начал ухаживать...»: интервью автора с Леонардом «Скипом» Брэдбери. На обороте самой ранней из сохранившихся фотографий Леонарда С. Брэдбери и Эстер Мари Мoberг, сделанной в период ухаживаний, написана дата «1912».

«...8 августа 1914 года, Леонард и Эстер поженились...»: свидетельство о браке Лео Брэдбери и Эстер Мoberг, из личного архива Рэя Брэдбери.

«Как и многие другие шведы в Уокигане...»: в городском

каталоге Уокигана из собрания Исторического общества Уокигана, охватывающего период с 1905 по 1922 год, указано занятие Густафа Моберга – истопник на местном волоочильном заводе.

«...работал водителем в местной прачечной...»: городской каталог Уокигана, Историческое общество Уокигана.

«17 июля 1916 года у Леонарда и Эстер родились близнецы...»: интервью автора с Леонардом «Скипом» Брэдбери-младшим.

«...30 сентября 1918 года маленький Сэм...»: свидетельство о смерти, штат Иллинойс.

«Восславим же в нем сладкое безумье это...»: ежегодник средней школы Уокигана за 1912 год.

«...капитан Сэм Брэдбери похоронен...»: письмо Жака Р. Аделе из Американской комиссии по военным материалам Рэю Брэдбери от 25 августа 1989 года. Могила капитана Сэмюэла Х. Брэдбери за номером 18 находится в ряду 12 на участке С. Четырнадцать лет спустя после его смерти, в сентябре 1932 года, бабушка Рэя Минни Брэдбери, как член Ассоциации американских матерей Золотой звезды, объединяющей тех, чьи дети погибли на службе в войсках США, совершила путешествие во Францию на лайнере *Leviathan*, чтобы навестить могилу сына. «Я проехала почти пять тысяч километров, чтобы увидеть клочок земли, на котором стоит белый крест, – приводит ее слова газета *Waukegan News-Sun* в выпуске от 16 сентября 1932 года. – [Т]олько мать, кото-

рой довелось проводить на войну сына, готового отдать долг родине, и терзаться страхом никогда его больше не увидеть, поймет мои чувства».

«Он был обычным мальчуганом»: интервью автора с Эд-ной Хатчинсон.

«Встав под окнами столовой, можно было услышать...»: Брэдбери, «Вино из одуванчиков».

«В феврале 1924 года Эстер и Рэй...»: из афиши фильма «Горбун из Нотр-Дама» следует, что премьера в Уокигане состоялась в середине февраля 1924 года.

«Говоря о том, что я дитя своего времени...»: Cunningham, 1961 UCLA Oral History Program transcript.

2. Глинда добрая⁴

*Он давно вдохновляет мир фантазий,
подстегивающих наше любопытство.*

Эдвин «Базз» Олдрин⁵

Один человек повлиял на юного Рэя сильнее прочих. Нева Брэдбери, старше всего на десять лет, стала для него не просто тетей, а партнером по фантазиям – таким же отщепенцем, как он сам. Нева была творческой личностью: писала картины, вырезала линогравюры, шила костюмы и платья, играла в школьном театре и любила рисовать карикатуры. Несмотря на энергичность, увлеченность и страсть к искусству, она так и не стала заниматься творчеством профессионально. «Она избегала жизни», – с печалью говорил Рэй, вспоминая о великом непризнанном таланте своей тети. Пожалуй, величайшим ее творением стал племянник. Можно сказать, что именно Нева подарила миру Рэя Брэдбери. Разумеется, его воображение развилось бы и без Невы – в конце концов, он был рожден, чтобы стать Рэем Брэдбери, – но именно Нева растила и направляла его талант.

Третий и четвертый годы своей жизни Рэй провел под крылом матери, продолжая, наряду с обычной едой, кор-

⁴ Глинда – добрая волшебница из книги Л. Ф. Баума «Волшебник страны Оз».

⁵ Эдвин «Базз» Олдрин – астронавт, член экипажа «Аполлона-11».

миться из бутылочки. Его разум подпитывала стабильная кинодиета, однако на Рождество 1925 года Нева, тогда еще подросток с короткими каштановыми волосами и выразительными серыми глазами, подарила своему маленькому другу нечто куда более насыщенное. Рождество в доме Брэдбери было простым и уютным праздником семейства, принадлежащего к «не слишком удачливому среднему классу», как выражался Рэй, – денег на дорогие подарки не водилось. Тем не менее каждый год и на Сент-Джеймс-стрит, и в соседнем доме бабушки и дедушки ставили елку и украшали настоящими свечами. За украшение дома всегда отвечала Нева – она любила праздники, особенно Рождество и Хэллоуин.

Тем памятным рождественским днем в Уокигане выпал снег. Рэй и его брат, спавшие на раздвижном диване в гостиной, проснулись рано, чтобы поскорее увидеть подарки. На одном из свертков под елкой было написано «Шорти» – «Коротыш» (так в семье звали Рэя, а его старший брат Леонард носил прозвище «Скип» – «Попрыгун»). Это был подарок от Невы – сборник «Давным-давно», первая сказочная книга, которой предстояло изменить жизнь Рэя навсегда; ведь, хотя критики и ученые втискивают творчество Брэдбери в узкий жанр научной фантастики, на самом деле он в куда большей степени сказочник. В книге были собраны сказки о Джеке и бобовом стебле, Красавице и Чудовище, Мальчике-с-пальчик, Золушке и других классических персонажах. Сборник вышел в 1921 году в издательстве Rand McNally

and Company. Редактором выступила Кэтрин Ли Бейтс, сочинившая в 1893 году стихотворение *America the Beautiful*, которое сделалось буквально вторым гимном Соединенных Штатов.

Той зимой родители учили Рэя читать. Как и полагается выкормышу популярной культуры, он учился по комиксам в воскресных газетах: «Меня учили читать на «Счастливом хулигане», «Воспитании отца» и прочем подобном». За «Давным-давно» Рэй принялся с наслаждением и был очарован яркими иллюстрациями Маргарет Эванс Прайс. «Сейчас в книжном магазине я в первую очередь спешу в отдел детских книг – ради картинок», – признавался Рэй в восемьдесят два. Несомненно, именно очарование тех первых рисунков впоследствии побуждало его лично контролировать создание обложек, а иногда и иллюстраций почти для всех своих книг. Возможно, произведения Брэдбери рисуют такие яркие визуальные образы во многом именно благодаря его давней любви к иллюстрации и кино.

Когда Рэю исполнилось пять, тетя Нева показала ему свою коллекцию книг, включая серию про страну Оз, и он пришел в восторг. Ничего подобного историям Л. Фрэнка Баума мальчик еще не встречал: они были полны сказочных сюжетов, причудливых выдумок и ярких иллюстраций. «Я часто думал, что Нева сама из страны Оз», – писал Рэй в 1940-е годы в неопубликованном эссе о своей тете под названием «Бескрылая летучая мышь» (*The Wingless Bat*). Именно

с Невы начался путь Рэя в «далекую страну метафор», как он любил выражаться. Несмотря на вполне обычную жизнь с матерью, отцом и братом, а позднее с женой и собственными дочерьми, с этого пути он никогда не сходил.

Дом Брэдбери на Сент-Джеймс-стрит был скромным и заурядным: спальня, кухонька, столовая и гостиная, в которой спали мальчики. Все пространство крошечной спальни Лео и Эстер с двойными раздвижными дверьми занимала латунная кровать – такая длинная, что один конец выходил в дверной проем. В ногах кровати стоял патефон, на котором Рэй часто слушал музыку. Эстер коллекционировала музыкальные альбомы, и Рэю хорошо запомнилось, как он без конца крутил исцарапанную пластинку с песней *The Lady Picking Mulberries*. Если Нева познакомила племянника со своими творческими увлечениями напрямую, то мать влияла косвенно: она любила кино и музыку, и сын перенял эти пристрастия.

Из гостиной маленького дома на Сент-Джеймс-стрит лестница вела на чердак и в единственную уборную. Свой страх подниматься по темной лестнице в туалет среди ночи Рэй описал в рассказе «Нечисть над лестницей» (*The Thing at the Top of the Stairs*) из сборника «Конвектор Тойнби» (*The Toynbee Convector*). Семейство Брэдбери было очень бережливым: Леонард выключал свет на лестнице, чтобы экономить электричество, поэтому маленькому Рэю, боявшемуся

темноты, приходилось каждую ночь подниматься в неизвестность. Он верил, что на чердаке живет чудовище, и терпел до последнего, а иногда даже мочился прямо на лестнице. В итоге раздосадованный отец поставил под диван Рэя и Скипа ночной горшок.

Впоследствии Рэй превратил свой страх, как и другие воспоминания детства, в творческую метафору. Его, как и большинство других писателей, очень часто спрашивали о том, где он черпает идеи. Ответ прост: Рэй брал события из жизни и наполнял их мрачными фантазиями. Дэвид Моген, автор критического трактата «Рэй Брэдбери» (David Mogen, Ray Bradbury), называл такие сюжеты (которых у Рэя было великое множество) «автобиографическими фантазиями». «Еще в начале своей карьеры Брэдбери понял, что лучшая проза рождается из символической интерпретации личного жизненного опыта, и экзотические сюжеты можно использовать как метафору того, что нам известно. Превращая факты в вымысел, Брэдбери творит мифы из повседневных и необычных событий собственной жизни», — писал Моген.

К весне 1926 года, под воздействием Невы и благодаря собственным склонностям, Рэй по уши погрузился в сказочный мир. Тем временем в семье разразилась беда: заболел любимый дедушка Рэя. Сэмюэл Хинкстон Брэдбери, тихий пожилой человек, так и не оправившийся от финансового краха своих золотоискательских предприятий, подхватил менингит. Много недель он пролежал в спальне наверху. Рэю

помнилось, как однажды в конце весны он навестил умирающего дедушку и поговорил с ним в последний раз. Утром 4 июня 1926 года, проведя шесть дней в коме, Сэмюэл скончался. Ушел тот, на ком держались традиционные вечерние посиделки на веранде; кто спокойно курил сигары посреди всеобщей суеты; чей баритон, словно по радио, передавался сквозь половицы.

Последний День независимости, проведенный с дедушкой за год до его смерти, остался в памяти Рэя одним из самых дорогих воспоминаний. Тем теплым летним вечером вся семья собралась на веранде и лужайке перед домом. Бйон, дядя Рэя, принес маленькую самодельную латунную пушку и выстрелил, разорвав громким шумом тишину ночи – к восторгу детей и возмущению взрослых. Рэй вспоминал тот день в неопубликованном интервью 1971 года, которое дал своему агенту, Дону Конгдону:

«...когда фейерверки закончились и оконные стекла потряс последний выстрел из самодельной пушки дяди Бйона, вечер четвертого июля подошел к концу. Настал тот особый, печальный и прекрасный момент, миг философской задумчивости, когда я помог дедушке вынести последнюю коробку, где лежал, словно призрак, полупрозрачный воздушный фонарик из папиросной бумаги. Нам предстояло наполнить его дыханием огня и отпустить в полуночное небо.

В тот миг дедушка был верховным жрецом, а я его прислужником... Я помог вынуть драгоценный

красно-бело-синий бумажный призрак из коробки, и дедушка поджег лампадку с сухой соломой в основании фонарика. Когда огонь разгорелся, фонарик с шелестом расправил крылья, наполнившись горячим воздухом, и к этому моменту я уже был готов расплакаться. Несмотря на юный возраст, я начал понимать, что все заканчивается, все уходит, как и этот красивый бумажный фонарик. В предстоящем году моему дедушке суждено было умереть. Поразительно, насколько хорошо я его помню – помню, как мы стояли на лужайке перед верандой и под взглядами двух десятков наших родных в последний раз держали в руках наполненный теплым возбуждением бумажный фонарик, готовый лететь. А я все не мог отпустить: в нем так красиво танцевали тени и свет! Только когда дедушка, взглянув на меня, слегка кивнул, я наконец выпустил фонарик, и он поплыл над верандой, освещая лица моих дорогих родных, ввысь над яблонями и засыпающим городом, прочь от нас, в звездное ночное небо. Не меньше десяти минут мы наблюдали за его полетом, а потом он растворился вдали. Слезы текли по моим щекам рекой. Дедушка, не глядя на меня, прокашлялся и переступил с ноги на ногу, родственники заходили в дом или расходились восвояси, а я остался один – вдыхать въевшийся в кожу запах шутих и утирать слезы перепачканными в сере пальцами».

История о дедушке Брэдбери и воздушном фонарике, как

и все великие истории Брэдбери, – метафора отпускания, и Рэй очень любил ее рассказывать. О последнем Дне независимости с дедушкой он вспоминал и в своем эссе «Моя Византия» (*Just This Side of Byzantium*), которое впоследствии стало предисловием к поздним изданиям «Вина из одуванчиков». Кроме того, эти воспоминания нашли отражение в фантастическом рассказе о Марсе «Огненные шары» (*The Fire Balloons*) из сборника «Человек в картинках» (*The Illustrated Man*).

Сэмюэла Хинкстона Брэдбери похоронили на кладбище *Union Cemetery* на западе Уокигана. Минни Брэдбери, которой было тогда пятьдесят пять лет, сделалась вдовой; Лео Брэдбери, его младший брат Бион и семнадцатилетняя Нева потеряли отца. Все они тяжело переносили утрату, равно как и свалившееся на них финансовое бремя. После смерти мужа Минни решила сдавать три комнаты своего дома внаем, чтобы свести концы с концами. Одни постояльцы приезжали и уезжали, другие задерживались в доме по адресу: Вашингтон, 619, надолго.

Кончина дедушки стала для Рэя, которому тогда не исполнилось и шести лет, первой встречей со смертью. В последующие дни и недели каждая деталь, каждый подслушанный разговор, любые звуки, запахи и будничные предметы домашнего обихода стимулировали его безудержную фантазию. Перед лицом смерти он увидел мир в новом свете. Его воображение развивалось день ото дня.

Рэй любил прижаться ладонями к прохладным витражам в доме бабушки и дедушки – двум прямоугольным окнам на лестничном пролете, – уткнуться носом в стекло и смотреть наружу через калейдоскоп оттенков, вызывавших мысли о джеме, мармеладе и летних напитках со льдом. Маленькая лужайка вдоль боковой стены дома была усеяна желтыми одуванчиками. Порой сквозь цветное стекло Рэй видел, как в траве крадется кошка или идет по улице прохожий. Ему нравилось, как разные цвета преобразуют реальность, и даже годы спустя после отъезда из Уокигана он продолжал смотреть на мир словно через цветные витражи в доме бабушки и дедушки. Эти окна появляются в его рассказах «Постоялец со второго этажа» (*The Man Upstairs*) из сборника «Темный карнавал» (*Dark Carnival*) и «Земляничное окошко» (*The Strawberry Window*) из сборника «Лекарство от меланхолии» (*A Medicine for Melancholy*). Оба можно охарактеризовать как «автобиографическую фантастику» – фантастические рассказы, основанные на реальных воспоминаниях.

В 1926 году Рэй и его брат Слип пошли в театр *Academy* в центре Уокигана на фильм «Призрак Оперы». Лон Чейни в роли Призрака поразил воображение Рэя не меньше, чем три года назад в роли горбуна. Мальчик был очарован темой неразделенной любви и всей душой сочувствовал трагическому персонажу, обреченному жить в подземельях. Фильм закончился в девять часов вечера, и братья отправи-

лись домой, по обыкновению через овраг. В зеленую темноту спускались деревянные ступеньки, и Скип, опередив брата, скрылся под мостом, перекинутым через ручей. Рэй осторожно спустился следом, дрожа от страха перед темнотой и зная, что старший брат может, как всегда, его бросить. «Когда я, испуганный темнотой, перешел ручей, откуда ни возьмись выскочил Скип. Я ревел всю дорогу домой», – вспоминал Рэй. Увидев заревавшего младшего сына, Лео Брэдбери – небольшой любитель розыгрышей – нахмурился и взялся за кожаный ремень. «Отец хорошенько отлупил Скипа, и я остался очень доволен», – со смехом рассказывал Рэй.

С того дня Призрак Оперы всегда оставался в его душе. В этом чувствительном непонятом человеке Рэй видел многое от себя. Отец и брат Рэя были людьми крепкими, мужественными, спортивными, а сам он – хрупким фантазером, чувствительной творческой натурой. Его понимала лишь Нева, но в ноябре 1926 года Рэя разлучили с любимой тетей – семейство Брэдбери переехало в Иллинойс.

Той осенью Рэй поступил в первый класс Центральной школы Уокигана. Его учительницей стала мисс Мори, учившая прежде его отца и Неву. Однако дни Рэя в Уокигане были сочтены – по крайней мере на тот период. Леонард Брэдбери, как его собственные отец и дед, испытывал тягу к странствиям. Он с любовью вспоминал дни, проведенные в путешествии по железной дороге через всю страну вслед за отцом, отправившимся добывать золото, любил Запад и хо-

тел туда вернуться. Поэтому после смерти Сэмюэла Хинкстона Леонард решил покинуть Уокиган в поисках новой жизни и приключений. Уложив чемоданы, вся семья отправилась пассажирским поездом из Чикаго в пустыни Нью-Мехико. Прощание с Невой и привычной жизнью стало для шестилетнего Рэя трагедией.

Интересно, что первым городом, в котором остановилось семейство Брэдбери, по чистой случайности оказался Розуэлл в штате Нью-Мехико. Уфологам он хорошо известен – именно здесь в июле 1947 года, предположительно, произошло крушение неопознанного летающего объекта. В том же году появился первый сборник Рэя Брэдбери «Темный карнавал». Всплеск интереса к инопланетянам и НЛО в конце 1940-х – начале 1950-х был вызван многими факторами, и два из них – это, несомненно, крушение в Розуэлле и Рэй Брэдбери, ожививший Марс и марсиан в своем сборнике рассказов «Марсианские хроники», который вышел в 1950 году. А осенью 1926 года Рэй и Розуэлл ненадолго сошлись в одной точке пространства.

Семейство Брэдбери провело в Розуэлле всего две недели, а потом Леонард решил ехать дальше на запад, в Аризону. «В шестнадцать отец побывал в Аризоне и очень к ней привязался», – объяснял Рэй. Поэтому вся семья отправилась в Тусон – на большом такси с пятью другими пассажирами. В Тусоне Леонард снял небольшую двухэтажную квартиру на Лоуэлл-авеню, неподалеку от Аризонского университета.

Для ребенка, выросшего в прериях, перемены были огромными. Здесь на горизонте возвышались голубые холмы, а пересохшая земля дышала жаром даже после заката. Тем не менее Рэю понравился этот пейзаж, хотя он отчаянно скучал по Неве и каждый месяц писал ей, умоляя переехать в Аризону. Та училась в выпускном классе и никак не могла уехать, хотя ужасно скучала по племяннику.

Леонард Брэдбери не мог найти работу, но его это не беспокоило – главное, что он наконец оказался на Западе. Тяга к путешествиям была удовлетворена. Вскоре та же тяга проснется и в душе Рэя, однако для начала следовало покончить с кормлением из бутылочки. «Кого вообще кормят из бутылочки до шести лет?!» – вопрошал он годы спустя. Справедливости ради, Рэй выпивал всего одну бутылочку в сутки, обычно перед дневным сном, тем не менее отец решил, что дольше терпеть это невозможно. «Однажды, когда я капризничал и не хотел есть овощи, отец в ярости швырнул мою бутылочку в мойку и разбил ее. Это меня сильно травмировало: настал конец!» – вспоминал Рэй.

В Тусоне он обрел новую свободу. Гиперопекающая мать стала отпускать сына чуть дальше от себя, и он больше не был привязан к метафорической яблоне. Сегодняшним родителям и в голову не придет отправлять шестилетних детей гулять в одиночестве по окрестностям, а вот Эстер Брэдбери в 1926 году дала своему Коротышу свободу. Рэй открыл для себя Тусон, в то время примитивный городок скотоводов, и

немедленно влюбился. «Ничто не сравнится с атмосферой растущего, строящегося места – с энергией новых начал. То же касается любых событий в нашей жизни, будь то женитьба, новая любовь, новое здание, район в преддверии реконструкции или город, растущий, как Тусон», – объяснял Рэй.

Целыми днями светловолосый мальчишка носился по огромному кампусу Аризонского университета, бродил по факультету естественных наук, с изумлением рассматривал скелеты, кости динозавров, чучела змей, скорпионов и тарантулов, а в другом здании с любопытством наблюдал за сборкой локомотива. «Уже в шесть лет я был студентом – самым юным в стенах Аризонского университета», – заявлял Рэй. Впрочем, не все в университете радовались любопытному херувимчику: охранники регулярно и бесцеремонно выпроваживали Рэя с территории, а на следующий день – или через неделю – он возвращался вновь. В это время сформировались и укрепились многие интересы Рэя. Он восхищался останками динозавров, а много лет спустя написал рассказ «Ревун» (*The Fog Horn*). В 1953 году кинорежиссер Джон Хьюстон прочел историю о последнем на свете динозавре, выползающем из морских глубин, спутав рев маяка с жалобным зовом потерянной спутницы, и почувствовал, что в Брэдбери есть что-то от Германа Мелвилла, поэтому предложил ему написать киносценарий по «Моби Дику». «Спрашивается, что было бы, откажись я от динозавров? Не сделал бы карьеру!» – десятки лет спустя говорил Рэй.

Пока он открывал для себя новые увлечения, в семействе Брэдбери происходили волнующие события. 27 марта 1927 года, через несколько месяцев после переезда в Тусон, Эстер Брэдбери родила. У Рэя появилась сестренка – Элизабет Джейн Брэдбери. Он перестал быть самым маленьким в семье, и это его мучило. Рэй всегда был центром внимания, звездой, а теперь оказался просто средним сыном. Он любил сестру, однако в глубине души негодовал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.